

СОЦИОЛОГИ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

О некоторых результатах XVII Круглого стола Исследовательского комитета Российского общества социологов по теме «Динамика образовательных и профессиональных траекторий»

24 февраля 2025 г. Исследовательский комитет «Социология образования» РОС провел XVII Круглый стол по теме «*Динамика образовательных и профессиональных траекторий*». Одна из целей обзора выступлений на КС – установление профессиональных контактов между российскими исследователями структурных проблем института образования.

Открывая заседание, к. соц. н., в. н. с. Отдела социологии образования Института социологии ФНИСЦ РАН *Е. С. Попова* отметила увеличение интереса к исследованиям отечественного образования, что свидетельствует об актуальности проведения Круглых столов Исследовательским комитетом РОС. В этом году было заслушано 11 докладов из Волгограда, Вологды, Москвы, Новосибирска, Красноярска, Ростова-на-Дону, Читы.

В Приветственном слове руководитель комитета «Социология образования» Российского общества социологов, д. филос. н. проф. *Д. Л. Константиновский* (ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва) подчеркнул, что с 2009 г., когда начали проводиться Круглые столы, накоплен большой опыт использования их материалов. В последние годы публикуются обзоры докладов в ведущих журналах РФ, что позволяет познакомиться с новыми достижениями в социологии образования и установить профессиональные связи всем интересующимся этой темой. Давид Львович выразил надежду, что этот КС будет не менее успешным, чем прежние.

Президент РОС, д. филос. н., проф., руководитель сектора социологии профессий и профессиональных групп *В. А. Мансуров* (ИС ФНИСЦ РАН, Москва) подчеркнул важность междисциплинарных исследований в сфере образования, объединяющей педагогов, психологов, социологов, демографов... Важно изучение и образовательных, и профессиональных траекторий: проблема дефицита квалифицированных кадров для промышленного производства актуализировала оба направления. Предпочтения новых поколений могут меняться в зависимости от информации о мире. Хороший пример ранней профориентационной работы – книга «Почемучка», знакомящая маленького человека с миром, начиная с квартиры и до столицы России Москвы.

Ребенок узнает о разнообразии мира и начинает думать: кем быть? Так закладываются профессиональные ориентации уже к школе, в которой позже он выбирает технические, гуманитарные, математические классы...

Конечно, выбор формируется под влиянием многих факторов. Сначала ребенок выбирает общее направление, которое затем конкретизируется. Так, инженер – это огромный сегмент деятельности: от озеленения города до технолога завода. Изменяется и содержание рабочих профессий. В идеологии СССР рабочий был демиургом, основой страны. И сейчас к этому вынужденно возвращаемся – слесарям, фрезеровщикам готовы платить большие зарплаты, поскольку имеется дефицит кадров, но параллельно идет формирование сословности социальной структуры через «точечность» финансирования образовательных учреждений (элитарный «Сириус», топ-100 вузов и т. д.). Создание особых условий для образования меньшинства ведет к невыполнению социальных обязательств перед большинством. Социальная система коммерциализируется, становится недоступной. И последствия этого процесса тоже должны быть в центре внимания.

От себя отметим, что озвученные В. А. Мансуровым проблемы нашли отклик практически в каждом докладе.

Н. А. Николенко, к. соц. н., доцент (Волгоградский государственный университет, г. Волгоград) продолжила обсуждение предложенной В. А. Мансуровым темы в докладе *«Профориентационная работа в системе современного образования»*. Несмотря на то, что в школах и вузах используются разные формы профориентации, многие абитуриенты смутно представляют свое профессиональное будущее, не знают куда поступать или не уверены, что поступят. Можно назвать несколько причин:

а) не все школьники имеют доступ к качественному образованию. Есть школы, в которых один преподаватель ведет несколько предметов, в том числе не соответствующих профилю полученного им образования;

б) учителя отговаривают школьников и их родителей сдавать ЕГЭ по предметам, которые они хотели бы иметь или в «запасе» при поступлении, или рассматривать как основополагающие;

в) материальное положение семьи не позволяет нанять репетиторов для сдачи ЕГЭ. В результате многие уходят после 9 класса в колледжи. Конечно, специалисты со средним специальным образованием обществу нужны. Однако многие выпускники СПО планируют не работать по специальности, а получить другое образование. С позиций личности получение разнопрофильной подготовки дает возможность (или иллюзию) иметь больше шансов быть востребованным на рынке труда. Но с позиции государства, если люди не работают по специальности, это плохо, т. к. затраты на их обучение на бюджетной основе не возмещаются, потребность в специалистах не удовлетворяется. В этой связи есть необходимость решения нескольких задач:

- у специальных учреждений, ответственных за трудоустройство, должна быть функция организации профориентационной работы;
- нужны законодательные акты об обязательной работе по специальности выпускников СПО и вузов в течение 2–3 лет после завершения обучения на бюджетной основе.

А. С. Тищенко (в. н. с.), Г. С. Токарева (с. н. с.), С. Е. Новикова (н. с.) (Центр экономики непрерывного образования РАНХиГС, г. Москва) подготовили доклад *«Образовательные и профессиональные траектории учащихся школ в оценках родителей: результаты социологических исследований»* на основе мониторинговых исследований, проводимых с 2013 года. Если в 2018 г. 69 % респондентов считали, что школа обеспечивает хорошую подготовку к сдаче ОГЭ без дополнительных занятий, то в 2023 г. – 49 %. Еще более жесткая оценка подготовки к ЕГЭ: соответственно, 54 % и 35 %. В обществе существует мнение, что негосударственные школы дают более высокий уровень знаний. В этом плане показательны ответы родителей, давших оценку результатам подготовки школьников к выпускным экзаменам. Достаточность школьных занятий для сдачи ОГЭ назвали 41 %, ЕГЭ – 36 %.

Эти результаты подтверждают большую доступность вертикальной мобильности для детей из семей с высоким доходом, поскольку они могут оплачивать репетиторов при подготовке к итоговым экзаменам.

Значимым фактором выбора жизненной траектории остается высшее образование родителей, стимулирующих всестороннее культурное развитие детей. Ориентация на вуз объясняется высокооплачиваемой работой в будущем, расширением кругозора, престижем и семейной традицией.

В 2013 г. в СПО планировали пойти после 9 класса 9 %, в 2023 г. – 25 %. Выбор СПО как ступеньки в вуз называют 60 %, но не менее значимы: специальность, с которой достаточно просто найти работу, – 34 %, хороший заработок – 30 %. При этом 41 % ориентируются на профессии специалистов среднего звена.

Падение престижа высшего образования – в ухудшении его качества и отсрочки выхода на рынок труда. Особенно значимы эти причины для семей с невысоким уровнем дохода, поскольку школа не может хорошо подготовить к ЕГЭ. Причем чем старше класс, тем жестче оценки и школы, и ЕГЭ.

Л. А. Окольская, к. соц. н., в. н. с. (ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва) проанализировала *эволюцию родительских ценностей россиян в 1990–2017 гг.* В начале доклада была представлена панорама зарубежных исследований родительских ценностей, которые помогают понять межпоколенческие отношения в постсоветской России. Анализ результатов 7 обследований World Values Survey и European Values Study в России в указанный период позволили сделать выводы, что в воспитании детей значимо снизился нормативный акцент на трудолюбии и бережливости, с одной стороны, а с другой, возросла

значимость индивидуалистских качеств: независимости и воображения. Ценность религиозного воспитания незначительно повысилась, оставаясь мало значимой. В целом же произошли снижение значимости альтруистических ценностей и рост хороших манер.

Г. И. Зимирев, к. соц. н., доцент (Институт развития образования Забайкальского края, г. Чита) представил доклад *«Динамика контингента школьников на этапе перехода с уровня основного общего на уровень среднего общего образования: социально-педагогические аспекты (на материалах г. Читы)»*. Специфика Забайкальского края в его транзитности: 40 % выпускников уезжают за высшим образованием. В регионе высшее образование имеют 20 % населения, что сказывается на выборе жизненной траектории. Она же зависит от территориального положения школы, ее кадрового состава. В школах не хватает педагогов, особенно высшей квалификации. И это тоже одна из причин того, что в 10 класс идут 43,9 % выпускников, а заканчивают 11 класс – 38 %.

Выросла конкурентность СПО по сравнению с провинциальными вузами, поскольку значительно улучшилась их материальная база. Юноши после армии разъезжаются по горно-обогатительным комбинатам: этого профиля инженерная подготовка есть и в вузах, и в СПО. У них хорошая зарплата. А девушки после вузов уезжают в центральные регионы России: для них важнее условия и качество жизни для воспитания детей. Качество образования – комплексный показатель для родителей. Иногда для них важнее воспитательная работа, чем академические знания.

Г. А. Чередниченко, д. соц. н., г. н. с. (Отдел социологии образования Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва) в докладе *«Динамика траекторий в ВО и СПО на фоне трансформаций системы образования и рынка труда»* предложила перейти от представления конкретных тенденций к анализу общих закономерностей, а также продолжила обсуждение проблемы усиления социального неравенства через институты образования. Согласно ее мнению, «образование ныне не культурное, а инвестиционное благо. Спрос на качество и направление подготовки определяется тем, что находят более эффективным для своих личных и семейных вложений на разных этапах школьного и профессионального трека». Инвестиции в образование рассматриваются «как соотношение характеристики образования – потенциального места занятости/карьеры» = «планируемые затраты – будущие выгоды».

Учитываются не только материальные затраты, но и количество труда, которое необходимо для получения отдачи. «Выгоды склоняются в пользу более высокой отдачи социально-экономического/гуманитарного направления, нежели технического/естественнонаучного». Идет процесс социальной дифференциации от «социальной консолидации двух после-школьных треков к новой социальной «сословности»-корпоративности.

В. Ф. Пугач, д. соц. н., проф. (НИТУ «МИСИС», г. Москва) построила доклад *«Реверсивность в образовательных траекториях студентов вузов»* на анализе статистических данных о структуре обучающихся в вузах.

Чаще исследователи анализируют получение образования «снизу вверх», но есть не только возврата на тот уровень образования, который имеется, но и более низкие. И это достаточно массовое и устойчивое явление. Например, в государственные вузы для получения второго высшего образования поступают в год около 9,5 тыс. человек, из них имеющие образование бакалавра снова поступают на бакалавриат немногим менее до 5 тысяч в год; аналогичная картина по специалистам. В частные вузы за вторым высшим поступает около 8 тысяч в год, чаще выбирая бакалавриат, чем специалитет. Можно сказать, что формируется новый канал получения компетенций. Логичен вопрос: почему люди массово идут за вторым высшим образованием. Исследований на этот счет пока нет, но можем предположить, что это неудачный выбор первой профессии и необходимость дополнительных компетенций для новой социальной позиции. Выбирается вуз, а не дополнительное образование потому, что оно не всегда соответствует потребностям рынка труда и недостаточна значимость его диплома.

В докладе к. соц. н., доцента Я. Г. Зинченко и магистранта А. Д. Тур (Южно-Российский институт управления, г. Ростов-на-Дону) *«Высшее образование через призму поколенческих оценок: единообразие установок или конфликт оценок поколений»* проанализированы результаты опросов ВЦИОМ-Спутник с 2004 по 2024 годы.

Мониторинг фиксирует изменение акцентов при выборе высшего образования: уменьшается доля предпочитающих высшее образование с целью последующего трудоустройства на хорошую работу с 48 % до 38 %, но растет доля ценящих высшее образование за новые знания и расширение кругозора с 15 % до 21 %, и считающих важным повышение социального статуса, выход за рамки своего окружения с 9 % до 18 %.

Показательно сравнение оценок доступности высшего образования поколения «оттепели» (до 1947 г.), учившегося в советские годы, и поколения цифры, родившихся после 2001 года. Положительный ответ дали в первой группе 41 %, во второй – 59 %; отрицательный – 44 % и 34 %. Оптимизм молодых проявляется и в оценках качества профессиональной подготовки: на вопрос о том, как она изменилась за последние 15–20 лет, 37 % выбрали вариант «она улучшилась» против 30 % старшего поколения.

Доклад И. И. Харченко, к. соц. н., в. н. с. (ФГБУН Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (ИЭОПП СО РАН), г. Новосибирск) *«Молодежь о молодежи: отношение к работе, образованию, гражданским инициативам»* подготовлен на основе регионального Проекта РНФ и Правительства Новосибирской области, № 23-28-10281 «Вовлеченность молодежи в процессы изменений в сферах образования, экономики и общества»

(Рук. проекта РНФ (в 2023–2024 гг.) к. с. н. Фадеева О. П. Исп.: к. с. н. Харченко И. И., Дуткина С. Ю., Мальнева Е. А. и другие.). Были опрошены студенты старших курсов вузов, эксперты, ответственные за проведение молодежной политики, и фокус группы в студенческих аудиториях. Для обзора была выбрана часть доклада о результатах телефонных интервью, в которых были предложены открытые вопросы по теме «Жизненные стратегии молодежи – они направлены на развитие России?» 455 экономически активных респондентов молодого и среднего возраста до 45 лет, из которых около 80 % имеют высшее и незаконченное высшее образование, «нарисовали» эскиз к портрету работающей молодежи до 34 лет. Назовем характеристики, набравшие более 50 %: стремление много зарабатывать (85 %), реализовать себя (71 %), не бояться менять что-то в жизни, надеяться на себя (63 %), новаторство, использование новых технологий (59 %), хорошее владение информационными технологиями (58 %), интерес к образованию, самообразованию, знаниям (59 %). Из обстоятельств, мешающих активному проявлению себя в жизни, на первые пять мест вышли «низкие заработки и необходимость подрабатывать» (80 %), трата свободного времени на гаджеты (51 %), нежелание работать по полученной профессии (49 %), откладывание рождения детей, стремление подольше пожить для себя (45 %), нежелание работать на сложных производствах (41 %). Традиционные ценности упомянули менее четверти опрошенных, в частности важность семьи – 24 %, интерес к истории страны, ее культуре, традициям – 23 %, патриотизм – 22 %. Стремление избежать службы в армии назвали 36 %.

В. В. Зырянов, к. э. н., доцент (МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва) посвятил выступление *всестороннему анализу трудовой занятости в контексте текущих потребностей и долговременных целей студентов*. По мнению докладчика, трудоемкость образовательных программ оставляет студентам возможность значительное время заниматься другой деятельностью, хотя при очном обучении не должно быть времени для альтернативной полноценной занятости – это время учебы. Для бакалавриата с введением ФГОС 3 и его модификаций (3+ и 3++) предписано реализовать программу объемом 240 у.е. В расписании это соответствует 34 неделям учебного процесса, причем, как правило, пятидневным.

Для сравнения В. В. Зырянов ссылается на показательный пример из документального фильма BBC – «Сибирь: великий эксперимент» (1966 г.) о создании и работе Новосибирского ГУ. Англичан шокировали следующие факты: студенты «приходят на занятия шесть дней в неделю на протяжении 42 недель каждый год. У английских студентов – почти шестимесячные каникулы. А здесь 6–8 недель... Поскольку студенты работают на двух последних курсах пятилетнего обучения в исследовательских институтах... можно сказать, что они получают образование, эквивалентное магистерскому...»¹.

¹ Кино на Сиб.фм: «Сибирь – великий эксперимент». 1966 г. – URL: <https://sib.fm/articles/2016/02/19/kino-na-sibfm-sibir-velikij-ehksperiment> (дата обращения: 28.11.2024).

Свободное время современные студенты тратят по-разному: на хобби, учебу, политическую карьеру, тусовку... Подушевое финансирование, введенное в 2013 году, снизило заинтересованность в качественных знаниях и студентов, и преподавателей, поскольку нельзя «отчислить» неуспевающих. Особенно характерна имитация учебы для магистров. Мотивы трудовой занятости, как правило, вызваны объективными обстоятельствами: нужны средства для поддержания определенного уровня жизни и круга общения, оплаты учебы, поддержки родных, получение профессиональных компетенций...

Регламент обзора, к сожалению, не позволяет нам воспроизвести все причинно-следственные связи, проанализированные в докладе, потому приведем итоговый вывод: вузы поставлены в жесткие юридические и экономические рамки, не заинтересованы и не имеют рычагов вернуть работающих студентов в аудитории. Поэтому сегодня трудовая занятость студента является полностью и его инициативой, и его ответственностью.

О. Н. Мамонова, к. соц. н., с. н. с. (Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва) в докладе *«Потенциал дополнительного профессионального образования и траекторий наставничества в России в 2025 году»* особо подчеркнула необходимость трансформации дополнительного профессионального образования (ДПО) в связи с тем, что оно становится интегральной частью системы образования, обеспечивая принцип непрерывности образования на протяжении всей профессиональной жизни, дающей возможность максимальной гибкости. Сегодня желательно выбирать вуз, который имеет коллаборацию с компанией, поскольку его студенты получают навык осознанного выбора непрерывного совершенствования компетенций. В этом случае реализуются лучшие формы наставничества.

Сложившуюся же в России систему ДПО надо принципиально изменять, поскольку у многих школьников «клиповое мышление»: 2 секунды на просмотр новости. В результате они не способны усваивать программы обучения. Образование строится на иллюстрациях, визуальных картинках, поэтому даже две страницы учебника не могут прочитать и проанализировать. Этот факт используют организаторы ДПО, коммерциализируя свои программы под спрос на рынке труда. Доступ к «корочкам» через ДПО становится для многих привлекательным по сравнению с обучением в вузе, СПО. Например, много детей с ОВЗ, для работы с которыми нужен особый уровень подготовки, но диплом младшей медсестры или сиделки можно получить за 72 часа. Цены колеблются от тысячи рублей. Каково будет качество этой работы? Или за полтора года на базе среднего профессионального образования – учитель начальных классов. Способен ли он обеспечить нужный уровень образования?

Есть и другие социальные проблемы, требующие решения. Много детей, идущих в вузы по специальным квотам, связанным с СВО, и это одна из причин, по которой школьники предпочитают СПО, понимая, что не поступят

в вуз. В вузах приграничных регионов раньше училось много иностранных студентов. Теперь для них это невозможно. Это тоже пласт проблем.

В столичных вузах снизился уровень подготовки в медицинских вузах. Хорошо, что возвращаются прежние практики: студенческие отряды, волонтерство, за которое сейчас дают баллы при поступлении, но эта практика требует институализации.

Г. В. Леонидова, к. экон. н., доцент, в. н. с. (ФГБУН ВолНЦ РАН, г. Вологда) представила доклад *«Факторы готовности молодежи к научной деятельности»*, в котором отметила сокращение с 2010 по 2022 г. приема аспирантов в 1,2 раза, а выпуск с защитой диссертации в 5,4 раза. В настоящее время нет возможностей расширенного воспроизводства научных кадров, более того, доля 26–29-летних имеет тенденцию снижения. Нестабильность и неустойчивость занятости в науке связаны с возможностью выбрать другие сферы занятости через фриланс, неполную занятость и т. д. Аспирантура часто рассматривается как временное пристанище до лучших времен. 56 % опрошенных указали мотивом поступления в аспирантуру интерес к знаниям, а рост престижа ученых – 12,2 %. Столько же назвали стремление избежать призыва в армию. При поступлении в аспирантуру роль материального фактора незначительна, а при трудоустройстве после ее окончания он выходит на первое место. Из опрошенных в Вологде аспирантов 95 % совмещают учебу с работой, и лишь пятая часть работает в научной сфере.

Эксперты отмечают ряд условий, которые учитываются при выборе студентом научной карьеры: оплата и режим труда, характер труда, распределение трудовой нагрузки. Растет в разы нагрузка на научных руководителей и спрос с них, в частности за несоблюдение сроков защиты. Аспиранты выходят на защиту диссертации на год, два и три года позже, потому что вынуждены работать из-за маленьких стипендий. Эксперты шутят о реализации на практике анекдота, что кандидатские лучше докторских, поскольку кандидатские пишут доктора. Кроме того, из программы подготовки аспирантов изъяты некоторые дисциплины. Например, не везде есть философия, формирующая навыки мышления, как вступительный экзамен. Отмечается также ограниченность научных контактов, отсутствие командировок и стажировок, совместных проектов вузов и предприятий, недостаточная материальная база для экспериментов, необходимость целевого набора в аспирантуру.

Я. У. Астафьев, к. соц. н., с. н. с. (ИС ФНИСЦ РАН, г. Москва) в докладе *«Перспективы профессионализации в ИТ-индустрии»* привел данные о сферах профессионализации в ИТ-индустрии: разработка программного обеспечения (40 %); системное администрирование (20 %); работа с Big Data (15 %); информационная безопасность (10 %); другие (15 %). В 2024 г. готовили специалистов ИТ в 500 вузах, в которые на бюджетной основе поступило 125 тыс., еще 70 тыс. человек на коммерческой; всего на всех курсах учиться око-

ло 600 тысяч. Сюда не входит дополнительное образование, онлайн-курсы, о которых нет данных. Совокупная численность ИТ-специалистов в стране около 1 млн, дефицит же более 700 тысяч, но количество резюме почти в 9 раз превышает количество вакансий; это в два раза больше, чем по экономике в целом. Требуемый на рынке уровень квалификации в два раза выше, чем предлагаемый в резюме. Есть вакансии, на которые не могут претендовать выпускники вузов, которые сейчас находятся в зоне риска. Запретительная ключевая ставка Центрального банка заставляет компании увольнять менее квалифицированных сотрудников. Кроме того, искусственный интеллект «замещает претендентов», поскольку выполняет их работу гораздо лучше. Востребованы высококвалифицированные специалисты в информационной безопасности, где дефицит составляет до 50 %. Искусственный интеллект не способен пока «самостоятельно» работать в этой сфере. Нужен специалист, который может писать уникальные программы, но этому не учат в вузах, и выпускник сам ищет возможности повышения квалификации. Хорошо, если бы специалисты из таких компаний как Сбербанк, читали студентам спецкурсы. Существует опасность, что уровень подготовки специалистов по ИТ создаст «пузырь» из-за невостребованности работников данной квалификации.

Подводя итоги Круглого стола, *Е. С. Попова*, к. соц. н., в. н. с. (Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва) в докладе «*Динамика теоретического языка социологии в интерпретации образовательной реальности*» проанализировала темы сообщений участников, начиная с 2013 г., что позволило определить направления подготовки к следующим встречам за Круглым столом. В частности, особое внимание стоит уделить теоретико-методологическим проблемам исследований, саморефлексии относительно исследовательских результатов, постдипломному образованию.

В завершение Екатерина Сергеевна, поблагодарив участников Круглого стола, обратилась к ним с предложением обменяться публикациями, подготовленными на основе представленных исследований.

Материал подготовлен:

Широкаловой Г. С.

*доктором социологических наук, профессором,
ведущим научным сотрудником*

Приволжского филиала ФНИСЦ РАН, г. Н. Новгород

Прониной Е. И.

старшим научным сотрудником

Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва